

АРДАШЕВ Роман Георгиевич

**РАССЛЕДОВАНИЕ УБИЙСТВ,
СОПРЯЖЕННЫХ С ПОСТКРИМИНАЛЬНЫМ СУИЦИДОМ ЛИЦА,
СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ**

12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Диссертация выполнена на кафедре уголовно-правовых дисциплин Института экономики, управления и права ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет».

Научный руководитель: **Китаев Николай Николаевич**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет», заслуженный юрист РФ.

Официальные оппоненты: **Зеленский Владимир Дмитриевич**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина», заслуженный юрист РФ, почетный работник Высшего профессионального образования РФ

Смахтин Евгений Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет».

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»**

Защита состоится 30 ноября 2017 года в ___ часов на заседании объединенного диссертационного совета Д 999.017.03 на базе ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена», ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет» по адресу: 236006, г. Калининград, ул. Фрунзе, д. 6, зал заседаний диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» (г. Калининград, ул. Университетская, д. 2). Электронные версии диссертации и автореферата размещены на официальном сайте ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» <http://www.kantiana.ru>.

Автореферат разослан «___» октября 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук

Е.В. Осипова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Особая острота борьбы государственных органов с посягательствами на жизнь людей очевидна, поскольку, согласно ст. 20 Конституции РФ, право на жизнь провозглашается первым в числе личных прав и свобод человека, что делает его высшей личной ценностью.

Российская Федерация относится к числу государств с наиболее сложной криминальной ситуацией и одним из самых высоких показателей смертности от убийств и самоубийств (суицидов). За 2016 год в результате преступных посягательств в нашей стране погибло 29,2 тыс. человек, остались нераскрытыми 932 убийства и покушения на убийство¹. Следует признать, что официальные статистические данные не в полной мере отражают истинную картину событий и являются по разным причинам заниженными².

Классически считается, что раскрытие преступления происходит тогда, когда преступник установлен, задержан и ему предъявлено обвинение в содеянном. Но существует категория уголовных дел, по которым убийца не попадает на скамью подсудимых, поскольку совершает суицид, порой – не на месте деяния, в условиях неочевидности, через определенный промежуток времени. В таких ситуациях зачастую искажается само содержание криминального события, осложняется поисково-познавательная деятельность следователя, что влечет неопределенность выдвигаемых версий, нарушение причинно-следственных связей между фактом убийства и его последствиями (суицидом убийцы).

В США ежегодно от 1000 до 1500 человек, совершивших убийство, прибегают затем к суициду³. В Российской Федерации таких деяний каждый год совершаются сотни, но никакой их статистики не ведется и отсутствуют научно-практические рекомендации для следователей и оперативных сотрудников органов дознания, посвященные отдельным вопросам методики расследования дел названной категории, отчего качество их расследования нельзя назвать высоким. В отечественных диссертациях и монографиях по криминалистике также не нашли освещения проблемы расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя.

С учетом изложенного актуальность темы настоящего исследования обусловлена как ее недостаточной научной разработанностью, так и существенной практической важностью для раскрытия и расследования преступлений против жизни.

¹ Официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/9338947/> (дата обращения 01.02.2017 г.).

² Лунеев В.В. О криминализации экономических преступлений предпринимателей // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 4. С. 9.

³ Yekeen A.Aderibigbe, Violence in America: A Survey of Suicide Linked to Homicides, Journal of Forensic Sciences 42, no. 4 (1997): 662–665.

Степень разработанности проблемы. По методике раскрытия и расследования отдельных видов убийств широкую известность получили работы А.И. Бородулина, Л.Г. Видонова, В.К. Гавло, Г.А. Густова, Ю.П. Дубягина, В.Н. Исаенко, А.Х. Кежояна, Н.Н. Китаева, В.П. Колмакова, А.А. Корчагина, Г.И. Кочарова, В.А. Образцова, А.А. Протасевича, А.Л. Протопопова, Д.А. Рассейкина, Д.А. Степаненко, С.В. Шошина, В.И. Шиканова, В.В. Яровенко и др. авторов.

По теме расследования убийств, замаскированных инсценировками (в том числе – инсценировкой суицида), а также по расследованию доведения до самоубийства – содержательные работы принадлежат В.С. Бурдановой, В.Е. Коноваловой, Г.Н. Мудьюгину. Однако до сих пор в России монографических исследований, посвященных раскрытию и расследованию преступлений против жизни, сопряженных с самоубийством самого правонарушителя, не предпринималось.

Объектом исследования являются преступная деятельность, отраженная в материалах уголовных дел об убийствах, по которым преступник впоследствии совершил суицид, а также деятельность следователя по раскрытию и расследованию убийств с последующим суицидом лица, совершившего преступления.

Предметом исследования являются закономерности совершения убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя, и соответствующие им закономерности раскрытия и расследования указанных деяний.

Цели и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является выявление и рассмотрение теоретических и практических проблем раскрытия и расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя.

Достижение поставленной цели обусловило необходимость решения следующих задач:

- исследовать криминалистические аспекты посткриминального суицида убийц;
- провести анализ проблем расследования убийств, осложненных суицидом виновных лиц;
- рассмотреть посткриминальный суицид убийцы как один из способов противодействия расследованию;
- выявить особенности возбуждения уголовных дел об убийствах, осложненных суицидом убийцы;
- разработать научные рекомендации по тактике проведения отдельных следственных действий по делам исследуемой категории;
- определить основные направления взаимодействия следственных и оперативных подразделений в противодействии убийствам, сопряженным с суицидом виновного лица;
- обосновать возможности и исследовать различные формы использования специальных знаний при раскрытии и расследовании убийств, осложненных суицидом правонарушителя.

Методологическая основа исследования. Методологическую основу диссертационного исследования составляет диалектико-материалистический метод научного познания, который отражает взаимосвязь теории и практики. Автором использовались общенаучные и частнонаучные методы познания такие, как анализ, синтез, индукция, дедукция, наблюдение, сравнение, моделирование, историко-правовой метод, интервьюирование, анкетирование, а также ситуационный и системно-структурный подходы.

Нормативную базу диссертационной работы составляют Конституция Российской Федерации, Уголовно-процессуальный и Уголовный кодексы РФ, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» и другие нормативные правовые акты, ведомственные приказы и инструкции.

Теоретическую основу исследования составили труды известных криминалистов: О.Я. Баева, Р.С. Белкина, И.М. Быховского, Л.Г. Видонова, А.И. Возгина, Т.С. Волчецкой, А.Ф. Волынского, В.К. Гавло, А.Ю. Головина, Г.А. Густова, Л.Я. Драпкина, Е.С. Дубоносова, В.Д. Зеленского, Г.Г. Зуйкова, М.К. Каминского, В.Н. Карагодина, Д.В. Кима, И.М. Комарова, Н.Н. Китаева, В.И. Комиссарова, В.П. Лаврова, А.А. Леви, И.М. Лузгина, Н.П. Майлис, В.А. Образцова, А.А. Протасевича, А.В. Руденко, Е.В. Смахина, Д.А. Степаненко, Т.В. Толстухиной, Л.Г. Шапиро, В.И. Шиканова и других авторов. Учитывая, что тема самоубийства является мультидисциплинарной, в теоретическую основу работы легли также и труды известных ученых в области социологии, философии, криминологии, уголовного права, уголовного процесса, суицидологии, судебной медицины, психиатрии, психологии.

Эмпирическую базу диссертации составили:

- Результаты изучения материалов 134 уголовных дел об убийствах, сопряженных с суицидом подозреваемых (обвиняемых), и 24 материала, по которым в возбуждении уголовного дела по факту совершенного убийства было отказано (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Изучались материалы уголовных дел по двадцати четырем субъектам РФ: республик Хакасия, Башкортостан, Тыва, Татарстан, Саха-Якутия, Мордовия, Марий-Эл, Карелия, Чеченская Республика, Красноярский, Алтайский, Хабаровский края, Московская, Ленинградская, Тверская, Кемеровская, Иркутская, Ростовская, Пензенская, Самарская, Магаданская, Воронежская, Томская области, Ханты-Мансийский автономный округ.

- Результаты анкетирования 63 следователей, проходивших обучение в Иркутском юридическом институте (филиале) Академии Генеральной прокуратуры РФ и 56 оперативных сотрудников уголовного розыска по УМВД РФ Иркутской области;

- Результаты интервьюирования руководителей бюро судебно-медицинских экспертиз в 30 субъектах РФ; руководителей структур уголовного розыска в 41 субъекте РФ, а также руководителей 8 главных управлений МВД РФ по федеральным округам и руководителей всех управлений МВД России на транспорте.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в нем впервые на монографическом уровне проведено комплексное исследование теоретических и практических проблем расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом. На основе изучения следственной и судебной практики, результатов анкетирования работников правоохранительных органов, теоретических положений криминалистики и других наук, а также с позиции ситуационного подхода описаны особенности расследования названной категории преступлений, в совокупности с научно-практическими рекомендациями, повышающими эффективность следственных действий.

В диссертации сформулировано понятие посткриминального суицида, изложены типичные следственные ситуации и предложены типовые программы их разрешения. Проанализированы особенности взаимодействия представителей следственных и оперативных подразделений, высказаны предложения по совершенствованию такого взаимодействия.

На основе выявленных закономерностей разработаны научно-практические рекомендации по использованию специальных знаний при раскрытии и расследовании убийств, осложненных суицидом правонарушителей.

Положения, выносимые на защиту:

1. Авторское определение понятия «посткриминальный суицид», под которым следует понимать добровольное, умышленное лишение себя жизни лицом непосредственно после совершения им преступления или спустя некоторое время, причинно-обусловленное совершенным преступлением. Суицид может быть рассмотрен в качестве «улики поведения» лица в тех ситуациях, когда установлена причинно-следственная связь между фактом данного самоубийства и убийством, совершенном ранее в условиях неочевидности.

2. Посткриминальный суицид может являться специфическим видом противодействия расследованию преступлений и одним из способов сокрытия преступления, входящих в группу «уничтожение». Преступник, как носитель криминалистически значимой информации, после совершения убийства лишает себя жизни с целью уклонения от уголовной ответственности или по иным причинам. Анализ практики позволил выявить специфические особенности, связанные с характеристикой субъекта, оказывающего противодействие, мотивом его поведения и целью, которую он преследует, а также временем и местом противодействия.

3. Суицид, как таковой, может входить в способ совершения преступления и охватывать действия, как по совершению, так и по сокрытию преступления (совершение террористического акта террористом-смертником).

4. При раскрытии и расследовании убийств для следователей и сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, целесообразно учитывать фактор возможного посткриминального суицида скрывшегося (неизвестного) преступника, что требует соответствующей про-

верки самоубийц (в первую очередь в районе совершенного убийства) на причастность к расследуемому преступлению.

5. Расследование убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя нецелесообразно представлять в виде частной криминалистической методики, это - по сути, конкретизация и ситуационная детализация частной криминалистической методики расследования убийств.

6. При планировании производства допросов и иных следственных действий в процессе расследования убийств необходимо учитывать возможность попытки посткриминального суицида обвиняемого (подозреваемого) и при необходимости заранее предусматривать мероприятия по предотвращению названного вида противодействия расследованию.

7. Исследование целесообразности применения различных видов специальных знаний при раскрытии и расследовании убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом показало эффективность использования:

а) иммуногистохимических исследований и дерматоглифики в судебно-медицинских экспертных исследованиях для установления предрасположенности к суицидальному поведению и его реализации. Это позволяет исключить возможную инсценировку суицида, а также использовать такие экспертные заключения при проведении посмертных судебных - психолого-психиатрических экспертиз;

б) математических методов при экспертной диагностике суицида путем самоповешения, для выявления инсценировок самоубийства.

8. Осмотр места происшествия по фактам суицида убийц обладает особой спецификой, выражающейся в необходимости широкого использования специальных знаний. Так, для повышения эффективности розыска трупов людей в водоемах целесообразно использовать помощь специалистов в области судебной медицины, гидрологии и палеонтологии (тафономии).

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что сформулированные в диссертации теоретические выводы могут внести определенный вклад в развитие науки криминалистики, оперативно-розыскной деятельности и судебно-экспертной деятельности, что позволит сформировать основу для дальнейшей научной разработки криминалистических аспектов посткриминального суицида преступников, а также подготовке научных трудов по проблематике диссертации.

Практическая значимость исследования состоит в том, что выводы, рекомендации, изложенные в диссертации, могут применяться:

– в практической деятельности органов предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности при раскрытии и расследовании убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом преступника;

– в практической деятельности специалистов и экспертов в области криминалистики, судебной медицины, судебной психиатрии, психологии, гидрологии, палеонтологии и др., привлекаемых для расследования указанной категории уголовных дел;

– в учебном процессе образовательных учреждений юридического профиля в ходе преподавания дисциплины «Криминалистика» и специаль-

ных курсов, связанных с раскрытием и расследованием преступлений против личности;

– при повышении квалификации следователей, оперативных сотрудников, судей, судебных экспертов.

Апробация и внедрение результатов исследования. Результаты проведенного исследования докладывались диссертантом на 7 международных, межведомственных конференциях, круглых столах, проходивших в Академии Следственного Комитета Российской Федерации (2014), Балтийском федеральном университете им. И. Канта (2012, 2016), Волгоградском государственном университете (2012), Восточно-Сибирском филиале ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (2015), Восточно-Сибирском институте МВД России (2012, 2013).

Положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского национального исследовательского технического университета.

Изложенные в диссертационном исследовании научные положения внедрены в практическую деятельность различных подразделений ФСИН России, МВД России, ФСБ России, ФСО России, МЧС России, Прокуратуры России, Следственного Комитета РФ, Министерства юстиции РФ, Министерства обороны РФ, Росгвардии. Ряд положений, содержащихся в работе, используется за рубежом: в деятельности Академии МВД Республики Беларусь, Военной Академии Республики Беларусь, Института Национальной Безопасности Республики Беларусь, Алма-атинской академии МВД Республики Казахстан, Академии МВД Кыргызской Республики, Академии МВД Республики Таджикистан, Академии МВД Республики Узбекистан, Университета Правоохранительной службы Монголии, что подтверждается соответствующими актами. Также ряд положений диссертационного исследования нашли свое применение в учебном процессе Башкирского государственного университета, Воронежского государственного университета; Дальневосточного федерального университета, Казанского (Приволжского) федерального университета, что подтверждается соответствующими актами.

Данные исследования изложены в двух изданиях монографии, и 17 статьях, из которых 12 размещены в изданиях, входящих в перечень, утвержденный Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами проведенного исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих в себя девять параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** диссертации обоснован выбор темы исследования и ее актуальность, степень разработанности, определен объект и предмет, цель и задачи, указана методология и методика исследования, эмпирическая база, сформулированы основные положения, выносимые на защиту, научная и практическая значимость полученных результатов, приводятся сведения об апробации и внедрении данных результатов в практику и учебный процесс.

Первая глава диссертации «Посткриминальный суицид лиц, совершивших преступление как способ противодействия расследованию : понятие и криминалистические особенности» состоит из двух параграфов.

В *первом параграфе «Понятие и криминалистические особенности посткриминального суицида убийц»* указывается на то, что уровень криминальной агрессии в Российской Федерации на фоне показателей других государств является очень высоким, превышая более чем в 25 раз показатели Европейского Союза. Наша страна занимает второе место в мире по уровню смертности от самоубийств, основными детерминантами которых выступают социальные и психопатологические факторы.

При рассмотрении вопроса о посткриминальном (постпреступном) поведении правонарушителя разные авторы дают различные определения такому поведению, рассматривая его в широком смысле, когда конечной границей посткриминального поведения является прекращение уголовно-правовых последствий совершенного субъектом преступления (В.А. Авдеев, И.Э. Звечаровский, Р.А. Сабитов), или в узком смысле – как элемент механизма преступного поведения (А.В. Яшин). Ю.В. Пономаренко вкратце указывает на выявление корреляций между преступлением и сопутствующими ему некриминальными событиями. С.В. Лаврухин классифицирует на междисциплинарном уровне виды механизма поведения преступника:

- 1) по отраслям знаний – уголовно-правовой, криминологический, криминалистический и пенитенциарный;
- 2) по времени – поведение преступника разделяется на допроцессуальное, процессуальное и постпроцессуальное⁴.

Посткриминальный суицид этими исследователями не изучался, лишь кратко упомянут С.В. Лаврухиным.

Автор отмечает, что следственная практика обильна примерами, когда убийца после совершенного им деяния прибегает к суициду, покушению на самоубийство, либо даже инсценирует суицид мнимого правонарушителя, убивая невиновных лиц. Серьезные трудности у работников правоохранительных органов могут возникнуть при отграничении самоубийства от несчастного случая, а порой акт суицида совершается при нарушении правил техники безопасности труда или движения автотранспорта. В подобных ситуациях возникает немало вопросов, касающихся не только криминалистики, но и судебной экспертологии, оперативно-розыскной деятельности.

⁴ Лаврухин С.В. Механизм поведения подозреваемого и обвиняемого // Вестник криминалистики. 2010. № 1 (33). С. 23.

Проблемы самоубийства давно изучаются представителями различных научных направлений, отчего существует немало определений суицида. И.Б. Паперно указывает, что «...в научном сознании самоубийство...представляется неразрешенной загадкой, ученые затрудняются не только в объяснении, но и в определении самоубийства»⁵. Н.В. Говорин и А.В. Сахаров, сообщая о множестве классификаций мотивов суицидального поведения, данных отечественными и зарубежными авторами, делают обоснованный вывод, что эти классификации не в состоянии охватить весь спектр возможных суицидально-поведенческих мотивов.

Автор солидарен с определением Л.З. Трегубова и Ю.Р. Вагина, по мнению которых самоубийство «...есть сознательное, самостоятельное лишение себя жизни. В этих двух основных дефинициях заключается его коренное отличие от убийства, в котором, по понятным соображениям, отсутствует элемент самостоятельности, и от несчастного случая, в котором отсутствует элемент сознательности и доминирует случайность»⁶.

По справедливому замечанию ряда авторов (Л.В. Франк, Н.А. Ин, П. Ольхин), самоубийство в той или иной степени тесно соприкасается с убийством. По мнению А.Г. Амбрумовой и Л.И. Постоваловой, суицидальное поведение представляет собой поведенческую модель, распространенность которой зависит от многих социокультурных переменных. Исследования С.В. Бородина и А.С. Михлина позволяют классифицировать мотивы и поводы самоубийств на несколько групп, к одной из которых относятся конфликты, связанные с антисоциальным поведением суицидента: а) опасение уголовной ответственности; б) боязнь наказания или позора; в) самоосуждение за неблагоприятный поступок. Все это так или иначе может относиться к случаям посткриминального суицида убийц. А.Г. Амбрумова и В.А. Тихоненко обоснованно отмечают, что лица, совершающие самоубийство по мотиву боязни уголовной ответственности, характеризуются, в целом, с отрицательной стороны и обнаруживают предшествующий суициду период антисоциального поведения. По нашим наблюдениям, некоторые убийцы, совершившие затем суицид, ранее не раз высказывали угрозы будущим потерпевшим (родственникам, знакомым) покончить с ними, а затем с собой.

С учетом изложенного можно предложить следующее определение: посткриминальный суицид – это добровольное, умышленное лишение себя жизни лицом непосредственно после совершения им преступления или спустя некоторое время, причинно-обусловленное совершенным преступлением.

Во втором параграфе «Посткриминальный суицид убийцы в системе противодействия расследованию» говорится о том, что за последние десятилетия проблема противодействия раскрытию и расследованию преступлений приобрела характер острого негативного социального явления. В трудах ученых получила активное развитие теория преодоления противодействия расследованию (В.Н. Карагодин, И.А. Николайчук, В.В. Трухачев и др.), которая

⁵ Паперно И.Б. Самоубийство как культурный институт. М., 1999. С. 5.

⁶ Трегубов Л.З., Вагин Ю.Р. Эстетика самоубийства. Пермь, 1993. С. 11.

ныне входит в структуру частных криминалистических теорий. Существенный интерес многих исследователей вызвали вопросы выявления и преодоления противодействия расследованию отдельных видов преступлений, в том числе убийств. Однако не был предметом научного обсуждения вопрос о посткриминальном суициде преступника как способе (виде) противодействия расследованию преступлений. Многие акты противодействия, как указывает Э.У. Бабаева, не являются противоправными и не относятся к преступной деятельности.

В работе приводится структура противодействия расследованию путем совершения посткриминального суицида, где субъектом выступает сам преступник, для которого на выбор способа противодействия влияет не только характер преступления (убийство) и его последствия, но и психические свойства личности правонарушителя. Цель осуществления противодействия путем посткриминального суицида – уклонение от уголовной ответственности или иные причины.

Мотивами противодействия со стороны преступника, прибегнувшего к суициду (покушение на самоубийство), являются боязнь уголовной ответственности, боязнь позора, самоосуждение за свое деяние и т.п.

Посткриминальный суицид реализуется после совершения убийства как до обнаружения признаков преступления, так и после их обнаружения. Одним из основных способов противодействия расследованию является способ сокрытия преступления. Автор солидарен с мнением Р.С. Белкина, писавшего о такой группе способов сокрытия, как уничтожение: «...имеется в виду уничтожение как самой доказательственной информации, так и ее носителей»⁷. Аналогичную точку зрения высказывал В.А. Овечкин, который, рассматривая способы сокрытия преступлений, называл «уничтожение материальных, а в некоторых случаях и идеальных (люди) источников информации о преступлении»⁸.

Изложенное позволяет утверждать, что посткриминальный суицид является одним из способов сокрытия преступления, входящих в группу «уничтожение». Преступник, как носитель доказательственной информации, после совершения убийства лишает себя жизни с целью уклонения от уголовной ответственности или по другим причинам.

В диссертационных работах, посвященных различным аспектам расследования преступлений, не нашло места отражение посткриминального суицида как своеобразного «индикатора» убийств, совершенных ранее, когда самоубийство выступает в качестве улики поведения.

М.С. Строгович относил к таким уликам «поведение обвиняемого после совершения преступления, обусловленное фактом совершения им преступления». Н.И. Малыгина, чье мнение автор разделяет, относит к уликам поведения «действия (бездействия) и высказывания лиц, события, факты, по которым можно установить причинную связь между лицом и совершенным

⁷ Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. М.: Юристъ, 1997. Т. 3. С. 366–367.

⁸ Овечкин В.А. Общие положения методики расследования преступлений, скрытых инсценировками. Харьков, 1975. С. 7.

преступлением»⁹. Различные определения улик поведения давали М.М. Грозинский, А.И. Винберг, Г.М. Миньковский, Р.Д. Рахунов, Н.Т. Ведерников, Г.Н. Мудьюгин, А.И. Ковалев, В.К. Лисиченко, А.С. Зеленковский, С.С. Чегодаева и др. авторы.

Анализ научных работ показывает, что улики поведения с древности служили важным средством изобличения виновных в убийстве, по данной категории дел они встречаются гораздо чаще, чем по другим преступлениям (Г. Шнейкерт, А.И. Ковалев).

Изучение практической деятельности сотрудников Следственного комитета РФ и полиции в разных регионах страны показывает, что подавляющее число суицидальных актов убийц совершается в условиях достаточной очевидности, на бытовой почве, в состоянии алкогольного опьянения. Трупы самоубийц при этом, как правило, находятся вблизи останков своих жертв, что отмечали еще дореволюционные авторы (П. Ольхин).

Гораздо сложнее устанавливать истину, когда на месте происшествия имеются только тела потерпевших – при отсутствии информации о подозреваемом и обстоятельствах случившегося преступления. В работе на конкретных примерах рассмотрены ситуации, когда самоубийство лица выступало уликой поведения, даже если суицид произошел на значительном расстоянии от места совершения убийства и через значительное время.

Делается вывод о том, что суицид является уликой поведения в тех случаях, когда можно установить причинную связь между фактом данного самоубийства и убийством, совершенным ранее в условиях неочевидности.

Вторая глава «Особенности процесса раскрытия и расследования убийств, осложненных суицидом лица, совершившего преступление» состоит из пяти параграфов.

В первом параграфе Исторический анализ проблем раскрытия и расследования убийств, осложненных суицидом виновных лиц указаны литературные источники Древнего мира и Средневековья, предусматривающие признаки криминальных инсценировок самоубийства, приведены сведения о посткриминальном суициде преступников с древних времен и реакция законодателей на это явление (П. Булацель, П. Ольхин). В дореволюционной России посткриминальный суицид убийц, в зависимости от времени его совершения, можно классифицировать следующим образом: 1) суицид убийц, которые не задерживались правоохранительными органами; 2) суицид убийц при их задержании; 3) посткриминальный суицид на стадии предварительного расследования; 4) суицид убийц после вынесения им обвинительного приговора.

Сведения о фактах убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом, публиковались в дореволюционных периодических изданиях «Вестник полиции», «Жизнь и суд», «Народный законовед», «Право», «Судебный вестник», «Судебные драмы», «Юридическая газета» и др. В эту эпоху при

⁹ Малыгина Н.И. Криминалистические методы и средства установления лица, совершившего преступление: автореф. дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 22.

расследовании убийств, сопряженных с суицидом правонарушителей, важную роль играли: осмотр места происшествия и трупа; допросы свидетелей и потерпевших, оставшихся в живых; заключения экспертов.

С 20-х годов минувшего века в СССР появилась специальная литература по криминалистике, судебной медицине и судебной психиатрии, позволяющая следователям успешно работать по делам об убийствах и суициде (Н.С. Бокариус, В.В. Браиловский, Н.П. Бруханский, М.Н. Гернет, И.Н. Якимов и др.), хотя по делам названной категории следователей и дознавателей не раз обоснованно критиковали – за формальный, небрежный, поверхностный подход к раскрытию и расследованию (И. Леви, М. Дубровский, А. Липкин, В. Померанц, А. Учеватов, А. Халфин и др.). В довоенный период в нашей стране юридические издания помещали сообщения о случаях самоубийства подозреваемых в совершении убийств, но ни одного специального исследования на данную тему автору обнаружить не удалось. Такие дела могли представлять большую сложность для раскрытия.

С 19 июня 1954 г. в СССР действовало указание Генерального прокурора СССР № 3/114 об обязательном расследовании всех случаев самоубийства без каких-либо предварительных проверок, поскольку последние осуществлялись нередко со значительным опозданием, что влекло ослабление качества борьбы с преступностью. 17 августа 1962 г. Генеральный прокурор СССР своим распоряжением это указание отменил. Анализ опубликованных материалов (сборник «Следственная практика») свидетельствует, что именно в период 1954–1962 гг. в нашей стране имела место наибольшая раскрываемость убийств, замаскированных инсценировками суицида. В сборниках Следственного комитета РФ «Предварительное следствие» тема посткриминального суицида вообще отсутствует.

В целом проблемы раскрытия и расследования убийств, сопряженных с суицидом виновных лиц, являются злободневными для современных российских следователей.

Во втором параграфе «Особенности возбуждения уголовного дела, типовые ситуации и версии» отмечено, что в России не предусмотрены в рамках действующих государственных и ведомственных форм статистической отчетности сбор и обработка сведений о количестве лиц, совершивших убийство, и покончивших самоубийством до направления дела в суд. Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). По делам об убийстве такими «достаточными данными» будет наличие трупа человека (или нескольких трупов) с признаками насильственной смерти. Отказ в возбуждении дела об убийстве должен иметь место только в случае достоверного установления отсутствия события преступления¹⁰.

Изучение практики правоохранительных органов в России показывает, что далеко не всегда уголовные дела возбуждались в ситуациях посткрими-

¹⁰ Тарасов М.Ю. Расследование уголовных дел об убийствах: процессуальные и криминалистические вопросы: автореф. дис...канд. юрид. наук. М., 2003. С. 16.

нального суицида убийц. Автором исследованы 24 материала, по которым в возбуждении уголовного дела было отказано на основании ч. 4 п. 1 ст. 24 УПК РФ (в связи со смертью подозреваемого, который после совершения убийства прибегнул к суициду). В подобных случаях факты убийств не отражаются в соответствующих разделах уголовной статистики, поскольку расследований по ним не проводится. Автор солидарен с А.Л. Протопоповым, называющим такой отказ в возбуждении уголовного дела «...попыткой скрыть тяжкое преступление от учета», «полнейшей профессиональной непригодностью следователя». Ведь качественное расследование может выявить совершенно иную картину случившегося (инсценировку суицида). Не исключен и заказной характер убийства, когда оплату получает сам будущий суицидент, либо иные лица, связанные с ним (знакомые, родственники). Убийца мог действовать под влиянием подстрекателей, знавших его психологические особенности (вспыльчивость, подозрительность, ревность и т.п.), а также склонность к алкоголю, употребление которого резко активизирует агрессивные и суицидальные намерения. Диссертант разделяет мнение Л.Н. Богдановой о том, что подобное увеличение латентных убийств в стране во-многом обусловлено «...очевидными упущениями в деятельности прокуроров, обязанных обеспечивать действенный надзор за законностью и обоснованностью принимаемых следователями процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовных дел».

При опросе автором следователей СК РФ почти 24 % респондентов сообщили, что считают законным не возбуждать уголовное дело по факту убийства, если правонарушитель покончил с собой на месте преступления или вблизи от него. Такое положение, по мнению автора, свидетельствует о серьезных проблемах в сфере досудебного следствия. В диссертации обоснован вывод – раскрыть даже очевидное убийство, сопряженное с немедленным суицидом правонарушителя, можно только после проведения тщательного предварительного расследования всех обстоятельств дела, с обязательным сбором материалов по личности убийцы и потерпевшего (потерпевших). Применительно к доказыванию по делам об убийствах, сопряженных с суицидом правонарушителей, можно употребить понятие «неблагоприятная» или «проблемная» ситуация (В.В. Новик).

Анализ уголовных дел об убийствах, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя, позволил выделить следующие типовые следственные ситуации в зависимости от времени совершения посткриминального суицида.

Ситуация 1. Убийство очевидное, убийца покончил жизнь самоубийством сразу после совершения преступления.

Ситуация 2. Убийство очевидное, убийца скрылся с места преступления, а позднее обнаружен его труп. Имеется информация, что покончил жизнь самоубийством.

Ситуация 3. Убийство очевидное, убийца скрылся с места преступления, заявив свидетелям о своем намерении в скором времени совершить суицид. Через некоторое время обнаружен труп убийцы с признаками суицида.

Ситуация 4. Убийство неочевидное: обнаружено несколько трупов, среди которых имеется труп с признаками, указывающими на самоубийство.

Ситуация 5. Предполагаемый убийца покончил с собой при задержании.

Ситуация 6. Предполагаемый убийца задержан (заключен под стражу) и прибегнул к суициду в ходе предварительного расследования: а) в СИЗО; б) в другом месте (при производстве следственного действия и др.). Возможен парасуицид, когда покушавшийся выжил.

Для каждой ситуации определены типовые следственные версии, а также разработаны оптимальные программы по их разрешению.

В работе также выделены и судебные ситуации, связанные с тем, что лицо, обвиняемое в совершении убийства, может также покончить с собой в ходе судебного следствия или после вынесения обвинительного приговора.

В третьем параграфе «*Тактические аспекты осмотра места происшествия и трупа*» отмечается сложность следственных осмотров по многим делам при суициде или его криминальной инсценировке. Уголовные дела по изученному эмпирическому материалу можно разделить на следующие: 1) убийство и посткриминальный суицид совершены в одном месте, в условиях очевидности; 2) убийство и посткриминальный суицид совершены в одном месте, без очевидцев; 3) убийство совершено в одном месте, а посткриминальный суицид – в другом; 4) имеет место инсценировка посткриминального суицида, иногда «без трупа».

Указаны факторы, затрудняющие выдвижение следственных версий (внесение изменений в обстановку места происшествия посторонними лицами, обнаружившими следы преступления; несовпадение места обнаружения трупов с местом убийства и т.д.). Названы вопросы, решаемые судебно-медицинским экспертом при осмотре трупов по названной категории дел. Опрос, проведенный автором, показал, что следователи испытывают существенные затруднения при осмотре трупа на месте происшествия – в ситуации определения признаков инсценировки суицида. Автор солидарен с В.С. Бурдановой, рекомендовавшей следователям при осмотре трупов на месте происшествия отрабатывать одновременно две противоположные версии (убийство и самоубийство), дабы уметь выявить признаки криминальной инсценировки.

Высказывается сомнение в достоверности приведенных в литературе цифр по криминальным инсценировкам суицида (Л.Н. Богданова, С.Ю. Рывкин). Диссертантом названы затруднения, возникающие перед следователем и оперативными работниками при осмотре места происшествия по делам об убийствах, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя, и дан примерный перечень вопросов, подлежащих выяснению при таком осмотре. Показана существенная роль предсмертных писем виновных лиц, часть таких документов убийцы изготовили до совершения преступления.

Автор поддерживает точку зрения А.А. Протасевича, Д.А. Степаненко и В.И. Шиканова относительно структуры криминалистической реконструкции убийства, совершенного из огнестрельного оружия, и указывает на вы-

сокую доказательственную значимость следов крови, обнаруженных при осмотре по делам данной категории.

В четвертом параграфе «*Особенности допросов при расследовании убийств, сопряженных с суицидом лица, совершившего преступление*» указывается что далеко не все авторы уделяют внимание особенностям такого следственного действия, как допрос. По делам об убийствах, сопряженных с суицидом правонарушителя, можно выделить такие особенности допросов:

1. Оперативность проведения допроса, поскольку речь может идти о получении важнейшей доказательственной информации от лиц тяжелораненых и даже умирающих. В России отсутствуют нормативно-правовые акты, определяющие клинические критерии допуска представителей правоохранительных органов к травмированному лицу для проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. Показана важность изучения следователем медицинских характеристик обвиняемых, что помогает при допросе арестованных лиц, покушавшихся на самоубийство (парасуицид), получать подробные объективные показания о содеянном. Необходимость немедленного допроса лиц, умертвивших потерпевших в «исключительных состояниях» психики, обусловлена тем, что такие люди позднее склонны прибегать к суициду.

2. Следователь должен знать факторы, определяющие высокую вероятность завершенного суицида, и при допросах свидетелей отражать необходимую информацию в протоколах. Здесь имеет место сбор обширного ретроспективного (свидетельского) материала о личности правонарушителей для последующего назначения посмертных судебных экспертиз психики.

3. При допросах убийц, покушавшихся на суицид путем самоповешения, следователь должен учитывать фактор ретроградной амнезии (возвращенный к жизни часто не помнит событий совершенного преступления и покушения на самоубийство). В ситуациях суицидальных попыток, совершенных в состоянии резкого алкогольного опьянения, амнезия обуславливается главным образом не странгуляцией, а алкогольным опьянением.

Автор отмечает, что малолетние были очевидцами в 15,6 % уголовных дел изученной категории, и в 27 % – по «отказным» материалам. Диссертант солидарен с В.Н. Китаевой в убеждении, что малолетних, ставших очевидцами преступления, следует допрашивать всегда, когда для этого существует возможность.

В пятом параграфе «*Взаимодействие следователя и органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность при выявлении и расследовании убийств, сопряженных с суицидом виновного лица, совершившего преступление*» отмечено, что проблему взаимодействия следователя с полицией и основанные на законе пути ее решения затрагивал еще Ганс Гросс. Диссертантом приведены различные дефиниции такого взаимодействия (Н.А. Аменицкая, Л.В. Бертовский, А.Н. Васильев, В.И. Жилияев, К. Бегалиев и В.И. Попов и др. авторы.). Названы задачи, которые могут решаться при взаимодействии следователя с органами дознания на первоначальном этапе расследования убийств, сопряженных с суицидом правонарушителя.

По делам об убийствах, где преступник скрылся с места происшествия, а позднее прибегнул к суициду, возможны два варианта следственных ситуаций: а) личность убийцы установлена и он объявлен в розыск; б) личность преступника неизвестна. В последнем случае факт самоубийства такого лица может быть воспринят правоохрнительными органами без связи с нераскрытым убийством.

В диссертации приведено количество уголовных дел по Российской Федерации (2009–2012 гг.), которые: а) приостановлены за розыском скрывшихся преступников; б) приостановлены производством по причине неустановления лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности за убийство и покушение на убийство. Автором в 2012 г. проведен опрос руководителей структур уголовного розыска в 41 субъекте РФ. Установлено, что при составлении планов оперативно-розыскных мероприятий по раскрытию убийств и розыску скрывшихся подозреваемых в 40 подразделениях уголовного розыска не уделяется внимания моделированию такого поведения виновного лица, как его возможный посткриминальный суицид. Только в управлении МВД РФ по Белгородской области на постоянной основе проводится дактилоскопирование трупов самоубийц и изъятие у них биологических образцов с целью дальнейшего сравнения со следами, изъятими с мест нераскрытых убийств, для проверки причастности указанных лиц к совершению данных преступлений.

Диссертант называет варианты проведения оперативными сотрудниками опроса раненых и умирающих, с привлечением врачей в качестве специалистов. 25 % оперативных сотрудников сообщили автору, что категоричный запрет медиков опрашивать тяжелораненых усугубил процесс установления обстоятельств совершения преступления и покушения на суицид, т.к. травмированные скончались.

Третья глава «Использование специальных знаний при раскрытии и расследовании убийств, осложненных суицидом правонарушителей» состоит из двух параграфов.

В первом параграфе «Участие специалистов при розыске трупов» исследована и описана совокупность сведений о проблемах такого розыска, который проводится, как правило, с использованием внеэкспертной формы специальных знаний (Г.А. Густов, Е.Л. Лукьянчиков, В.П. Цильвик, А.К. Мавлюдов и др.).

Показана роль водолазов, применение различных технических средств, моделирование криминальной ситуации для установления местонахождения трупа человека в водоеме. Отмечена эффективность работы в США подразделения «подводных криминалистов». Подчеркивается существенная помощь правоохрнительным органам в таком розыске со стороны специалистов-гидрологов, изучающих водоемы, поскольку их исследования позволяют определять: места аккумуляции (накопления) трупов в водоемах, возможное направление дрейфа (движения) трупа в воде и отрезок времени, за которое труп переместится на определенное расстояние, и т.д. Отсюда – используя гидрологическую характеристику конкретного водоема, можно со значи-

тельной степенью вероятности организовать розыск трупа человека на определенном участке акватории, что экономит силы и средства.

Сведения гидрологов, используемые при розыске трупов в водоемах, могут быть дополнены и скорректированы при помощи специальных знаний судебных медиков и палеонтологов, когда речь идет о параметрах плавучести трупов и особенностях их залегания на дне (И.А. Ефремов, А.Ф. Рубежанский, С.В. Савченко, Ж. Фуруно и др.).

Автор приводит результаты своих исследований названной проблемы по различным субъектам РФ, называет специалистов, которых следователь и оперативные сотрудники могут привлечь для помощи при розысках трупов в воде.

Второй параграф третьей главы «Использование специальных знаний в форме экспертизы при расследовании убийств, сопряженных с суицидом правонарушителей» состоит из трех подпараграфов.

В первом подпараграфе *«Тактика назначения и проведения судебно-медицинских экспертиз»* указано, что в настоящей работе основное внимание уделено такому самому распространенному виду самоубийства, как повешение, которое совершается, как правило, без очевидцев и может вызвать разные интерпретации. Рассмотрена возможность экспертной диагностики суицида путем повешения с использованием: а) математических методов (статистико-вероятный метод определения степени достоверности экспертных выводов); б) результатов исследования эндокринных органов лиц, погибших от странгуляционной асфиксии. Указаны основные причины диагностических экспертных ошибок при исследовании трупа, в том числе при экспертной оценке телесных повреждений на трупах лиц, обнаруженных в петле.

Отмечено, что до сих пор в отечественной науке не осуществлен практический анализ и обобщение отдельных исследований в аспекте влияния фактора давности на свойства вещественных доказательств биологического происхождения, что мешает реализации на практике проведенных и апробированных отдельных экспертных предложений. Кроме того, в последние годы экспертная практика сталкивается со случаями необнаружения антигенов системы АВО даже в свежих образцах крови, выделений, волос и т.п. (Л.О. Барсегянц).

В криминалистическом аспекте процесс отличия факта убийства от самоубийства, порой, сложен и требует немалых усилий со стороны следователя, особенно при подозрении инсценировки суицида. Вопрос о патолого-анатомических особенностях самоубийц давно интересовал судебных медиков, психиатров и сотрудников правоохранительных органов. С 30-х гг. XIX в. взгляд на суицид, как на болезнь, возник и развивался в Европе в рамках медицинских и общественных дисциплин (С. Бурден, Э. Эскироль, Ф. Винслоу, Ч. Ломброзо, А. Брош и др.). В СССР эти исследования именовали «вульгарным биологизаторством в судебной медицине», «ломброзианством» (О.Х. Поркшеян, В.П. Десятов, А.Д. Шнайдер и др.). В то же время, с 20-х гг. XX в. в нашей стране судебные медики стали вторгаться в область квалификации преступлений (убийство, самоубийство, несчастный случай)

вплоть до установления вины конкретных подозреваемых, используя при этом ссылки на «дегенерацию черепа», изменения внутренних органов у самоубийц (В.П. Гавриловский, Д.И. Зискинд, А.И. Крюков).

В послевоенные годы исследования особенностей организма самоубийц (изучение трупа и медицинских документов) были продолжены, с установлением очевидной связи между суицидом и имевшимся заболеванием у самоубийцы (Х.Г. Эритс, 1975). В.И. Алисиевич, В.Д. Гончарук, Ю.И. Пиголкин, В.С. Тишин и др. авторы указали на пользу иммуногистохимических исследований, позволяющих определить наличие депрессивного состояния у лиц, покончивших самоубийством. Ф.В. Алябьев, Ю.М. Падеров и С.Ю. Кладов (2005) утверждают, что показатели нейро-эндокринной системы исследуемого трупа позволяют «с высокой степенью вероятности диагностировать наличие завершеного суицида».

Представляются заслуживающими внимания результаты дерматоглифической диагностики кожных узоров рук и ног человека – для выявления предрасположенности субъекта к суициду (С.А. Иваненко, А.П. Божченко, И.А. Толмачев). Данная предрасположенность рассматривается как неустойчивость нервной системы человека в условиях хронического стресса, когда суицид только одна из составляющих неадекватного поведения субъекта.

Автор критически относится к сообщениям об «эффективности» метода К.Г. Короткова, который, якобы, выявил особенности газоразрядных излучений от трупа человека, что позволяет «безошибочно определять» действительно ли здесь имеет место суицид или только его инсценировка. Данный метод подвергся справедливой критике как юристов, так и физиков (Е. Шишов, Е.Б. Александров) и не применяется в деятельности правоохранительных органов России.

По итогам опроса руководителей бюро судебно-медицинских экспертиз в 30 субъектах РФ, проведенного автором, можно сделать вывод о том, что в настоящее время в стране нет сертифицированных судебно-медицинских методик диагностики склонности к суициду (анатомические, дерматоглифические, иммуногистохимические критерии). В то же время, ряд полученных ответов позволяют сделать вывод о неоднозначном отношении ряда экспертов-медиков к названной проблеме.

Во втором подпараграфе «Тактические особенности назначения и производства криминалистических экспертиз» рассмотрены экспертизы, назначаемые в различных ситуациях и стадиях расследования убийств, сопряженных с суицидом виновных лиц (дактилоскопические, баллистические, холодного оружия, наложения микрочастиц и т.д.). В целом из 134 уголовных дел по 39 (29 %) обнаружены предсмертные письма (записки) убийц, по 27 из которых назначались почерковедческие экспертизы. Ни по одному из таких писем перед экспертом не ставился вопрос о времени исполнения документа (как исключение инсценировки суицида). В двух случаях значительный объем письма позволял назначить автороведческую экспертизу (не проводилась). Из 11 случаев суицида убийц, содержащихся в ИВС или СИЗО, ни

по одному делу не назначалась экспертиза узлов или микрочастиц, находящихся на руках и одежде покойного (исключение инсценировки суицида).

Диссертант не согласен с В.Е. Лапшиным, который рекомендует назначать экспертизу места происшествия «...либо сразу после следственного осмотра места происшествия, либо параллельно с последним». Такая ситуационно-логическая экспертиза по делам об убийствах, сопряженных с суицидом виновного лица на месте происшествия, может быть только комплексной (медико-криминалистической), а ее назначение должно обуславливаться наличием существенной доказательственной информации, с которой предстоит работать экспертам, т.к. нередко род смерти (убийство, самоубийство) устанавливаются не при осмотре, а только в процессе судебно-медицинского исследования трупа (Г.А. Густов, В.Ф. Коржевская, В.Л. Попов, Ю.С. Сапожников и др.).

В третьем подпараграфе «Проблемы назначения и проведения судебно-психиатрических, судебно-психологических, судебных психолого-психиатрических экспертиз» исследован и описан круг обстоятельств, которые обуславливают сбор информации для назначения посмертных судебных экспертиз психики (психиатрической, психологической, психолого-психиатрической). Подвергнуты анализу точки зрения разных авторов по изучаемому вопросу (В.Ф. Енгальчев, Я.М. Калашник, В.Н. Китаева, М.М. Коченов, И.А. Кудрявцев, Ф.С. Сафуанов, Н.А. Селиванов и др.).

Установлено, что в контингенте лиц, совершивших убийство, сопряженное с посткриминальным суицидом, велико число психопатов (Ю.М. Антонян, С.В. Бородин, В.В. Гульдман). Больные шизофренией с суицидальными проявлениями достоверно более склонны к совершению опасных действий, направленных против жизни окружающих (П.М. Попов, И.В. Самсонова, В.М. Шумаков), но аналогичные действия в отношении себя и других могут совершать и субъекты, чья вменяемость подтверждена судебно-психиатрическими экспертизами (Т.Б. Дмитриева, Б.В. Шостакович и др.). Для следователей важными являются некоторые психологические критерии, выявляемые в ходе сбора сведений о личности суицидента, свидетельствующие о высоком риске завершения суицида (Т.П. Печерникова, Т.Н. Туденева).

Диссертантом приведены результаты выборочного изучения практики правоохранительных органов в 41 субъекте РФ (самоубийство лиц, умерщвлявших малолетних детей). Указано, что по ряду таких случаев не только отсутствовали посмертные экспертизы психики убийц, но вообще не возбуждались уголовные дела в связи с самоубийством виновных лиц. Автором отмечена необходимость назначения посмертных судебно-психологических экспертиз по делам террористов-смертников, названы причины, препятствующие проведению в РФ качественных судебных экспертиз психики по изученной категории уголовных дел.

В заключении диссертации изложены выводы и предложения, отражающие основные положения проведенного исследования.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих опубликованных работах автора:**

Монографии

1. *Ардашев Р.Г.* Вопросы теории и практики расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя: монография.– Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2013. – 188 с. – (11,75 п. л.).
2. *Ардашев Р.Г.* Вопросы теории и практики расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя: монография.– 2-е изд., перераб. и доп. – Иркутск : Изд-во ИрНИТУ, 2015. – 220 с. – (13,75 п. л.).

Научные статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, указанных в перечне Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации

1. *Ардашев Р.Г.* Диагностика давности при экспертизе вещественных доказательств биологического происхождения. Проблемные вопросы // Закон и право. – 2012. – № 2. – С. 88–89. – (0,2 п. л.).
2. *Ардашев Р.Г., Китаев Н.Н.* Классификация посткриминального суицида серийных убийц // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2012. – № 2. – С. 35–39. (0,5 п.л.; авторское участие - 0,25 п.л.).
3. *Ардашев Р.Г.* О некоторых криминалистических аспектах суицида лиц, совершающих преступления террористического характера // Закон и право.– 2012. – № 9. – С. 93–94. – (0,25 п. л.).
4. *Ардашев Р.Г.* Моделирование действий скрывшихся убийц при их возможном посткриминальном суициде // Закон и право. – 2013. – № 1. – С. 104–105. – (0,25 п. л.).
5. *Ардашев Р.Г.* Посмертные судебно-психологические экспертизы убийц, прибегнувших к суициду // Закон и право. – 2013.– № 2. – С. 107–108. – (0,25 п. л.).
6. *Ардашев Р.Г.* Криминалистические экспертизы при расследовании убийств, сопряженных с суицидом виновных лиц // Закон и право.– 2013.– № 5.– С. 98–99. – (0,2 п. л.).
7. *Ардашев Р.Г.* Некоторые особенности допросов при расследовании убийств, сопряженных с суицидом виновных лиц // Закон и право. – 2013. – № 6. – С. 89–90. – (0,25 п. л.).
8. *Ардашев Р.Г.* Посткриминальный суицид убийцы как способ противодействия расследованию убийств // Закон и право. – 2013.– № 7.– С. 98–100. – (0,35 п. л.).
9. *Ардашев Р.Г., Китаев Н.Н.* Проблемы раскрытия и расследования убийств, осложненных суицидом подозреваемого // Российский следователь.– 2013. – № 18.– С. 8–10. – (0,5 п.л.; авторское участие - 0,25 п.л.).

10. *Ардашев Р.Г.* О недостатках в расследовании убийств медицинских работников, сопряженных с посткриминальным суицидом подозреваемых // Закон и право. – 2017.– № 3.– С. 110–112. – (0,25 п. л.).

11. *Ардашев Р.Г.* Классификация посткриминального суицида массовых убийц: ситуативные аспекты // Закон и право. – 2017.– № 5.– С. 116–117. – (0,25 п. л.).

12. *Ардашев Р.Г., Биленко Н.П., Китаев Н.Н.* Посткриминальный суицид убийц и проблемы криминалистической биоритмологии // Закон и право.– 2017. – № 8.– С. 99–100. – (0,25 п. л.).

Научные статьи, опубликованные в иных научных журналах и изданиях

1. *Ардашев Р.Г., Китаев Н.Н.* Об использовании специальных знаний в ситуациях расследования убийств и суицида // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: сборник материалов международной научно-практической конференции – Калининград: Изд. БФУ им. Канта, 2012. – С. 237–241. – (0,35 п.л.; авторское участие - 0,15 п.л.).

2. *Ардашев Р.Г.* Проблемные вопросы назначения судебно-психологической экспертизы по делам террористов-смертников // Современное состояние и проблемы уголовного и уголовно-процессуального права, юридической психологии: сборник материалов международной научно-практической конференции – Волгоград: Изд-во ВолГУ. – 2012. – С. 508–512. – (0,25 п. л.).

3. *Ардашев Р.Г.* О возможностях экспертной диагностики суицида путем самоповешения // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф.– М. : Изд-во Проспект, 2013. – С. 16–17. – (0,15 п. л.).

4. *Ардашев Р.Г.* Выявление актов посткриминального суицида при раскрытии преступлений против жизни // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижения и перспективы развития: сб. материалов междунар. науч-практ. конф., приуроченной к 60-летию образования службы криминалистики – Москва: Академия Следственного комитета РФ, 2014. – С. 135–137. – (0,25 п. л.).

5. *Ардашев Р.Г., Китаев Н.Н.* Психолого-криминалистический портрет серийного убийцы: проблемные вопросы // Криминалистические чтения на Байкале-2015: сб. материалов междунар. науч-практ. конф. / Вост.-Сиб. фил. ФГБОУВО «РГУП» – Иркутск, 2015. – С. 185–189. – (0,5 п.л.; авторское участие - 0,25 п.л.).